

КАРТИНА МИРА И СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИА: «СТАРАЯ — НОВАЯ» МИФОЛОГИКА

Утверждающаяся в современности информационная парадигма претендует на универсальный цивилизационный формат. Побочным эффектом ее развития стал все более проявляющий себя «разрыв» культуры и человека по горизонтали и по вертикали — линии истории и линии «вечности». Технологическая составляющая информационной культуры связана с новым типом теле- и интернет-коммуникаций, а содержательная сторона определяется образом маклюэновской глобальной информационной деревни с особой формой социальных связей, опосредствуемых «медиакультурой». В данной бытийной модели онтологизация второй природы — культуры — происходит уже не в границах созданной человеком вещи (артефакта), подобной произведению-творению, а информационного продукта, который существует в мире знаков и значений, распространяясь и тотально заполняя собой пространство жизни человека. Воспринимаемая и опытно переживаемая реальность структурируется особого рода событиями — информационными. Укладности культур смешиваются, обыденные и высокие практики становятся пронизываемыми друг для друга, мир имеет только одно измерение — актуальная повседневность, которая поддерживается онлайн-информационным потоком.

На уровне массового сознания проблема самоидентификации обнаруживает себя в теме преемственности с историческим и культурным преданием нации. Действительно, любая национальная культура «помнит» себя в форме исторического предания, в основе которого лежит некий культурный миф. В том или ином виде миф присутствует в общественном и индивидуальном сознании, создавая целостный образ — картину бытия человека в мире истории и вечности. По сути миф выполняет важнейшую функцию снятия экзистенциальных и логических противоречий между исторически приходящим и вневременным — культуры в вечности и вечности в культуре. В этом смысле миф стремится к такой памяти культуры о самой себе, когда самопонимание и самовыражение ее носителей — нации, страны, культурной общности, личности становится беспроблемным — он стремится к историческому канону. Здесь проявляется кардинальное отличие мифа и мифологического мышления от рационального и рефлексивного, нацеленного не на создание непротиворечивого образа культуры и истории, а на поиск реальности культуры и истории. На данный разрыв

в мышлении указывал М. К. Мамардашвили: «Миф, ритуал и т. д. отличаются от философии и науки тем, что мир мифа и ритуала есть такой мир, в котором нет непонятного, нет проблем. А когда появляются проблемы и непонятное — появляются философия и наука»¹.

Культуры модернистского типа, входя в стадию постмодерна, становятся участниками современного технологического проекта современности, ориентированного на инновацию и инструментальное мышление, которое не озабочено проблемой метафизических оснований бытия и не имеет целью транслировать опыт переживания мира как целого, что характеризует именно мифологическое мирозерцание. При этом инновационной доминантой со-временной нам современности становятся несколько важнейших социальных систем, выполняющих важнейшую функцию культуры — трансляции социального опыта в форме знаний, практик и технологий.

На содержательном уровне в них происходят значительные изменения. Во-первых, это образование, прежде озабоченное научить ученика должному примеру и образцу, данному в качестве культурного идеала, а ныне направленное на приобретение знаний и овладения компетенциями, необходимыми для осуществления целерациональной стратегии в рамках достиженческой культуры. Во-вторых, наука, некогда представлявшая собой практико-ориентированную рационализацию метафизических (магических, религиозных, натурфилософских) идей, сегодня же превращающая фундаментальные открытия в технологии, способные радикально изменить мир не только неживой, но и живой природы без учета онтологических (метафизических, антропологических) рисков. В-третьих, культура как сфера опосредствования духовно-практической деятельности, в истоке своего синкретического опыта представлявшая социальный конструкт трансцендентного, ныне становится интеллектуальной лабораторией для новых форм социального. Она все активнее играет роль медиатора и коммуникатора в диалоге цивилизаций, общностей, социальных институтов и духовных традиций, в том числе используя возможности информационно-коммуникативных технологий.

Социально-философская и культурологическая мысль фиксирует, с одной стороны, тренд, связанный с понижением статуса интеллектуальной культуры, воплощающей базовую свободу человека — свободу самопознания, с другой — тенденцию деградации религиозного сознания. Полюса разнесены очень сильно: на одном — катастрофический дефицит рациональности в социальных и культурных практиках, на другом — изгнание мистического опыта и метафизики, подмена его различными суррогатами.

Развивающееся информационное пространство, будучи само явлением культуры на определенном историческом этапе развития общества, формируется и живет по универсальным законам бытия и мышления. Стоит посмотреть на реальность медиакультуры с точки зрения философии и психологии мифа, а на медиатехнологии как на инструмент мифологии сознания.

Если миф рассматривать как первичную целостность жизни, обретаемую в опыте переживания, то он может быть интерпретирован как онтологическая данность сознающего себя субъекта. Настоящий аспект философии мифа восходит к лосевской диалектике, понимающей «миф так, как он есть», т. е. как «миф сам по себе», мыслящий «сам свою чудесную и сказочную природу»². Память каждого человека хранит непротиворечивое, как правило, детское свидетельство о себе в этом мире и мире как непосредственной данности бытия. Миф, нагруженный образно-символическими описаниями реальности, событиями и персонажами, превращается уже в картину мира, требующую от субъекта признания себя подлинной. Она основывается не только на переживании, но и на вере в истинность происходящего. Здесь миф становится мировоззрением, которое можно рассматривать, подобно К. Леви-Строссу, в «логистическом аспекте», разрабатывая его «семантическую парадигматику»³.

Эта область мировоззрения, соединяющая рациональное знание о мире в виде некоего связанного описания и усилия веры, т. е. личностной верификации этих знаний, подтверждаемых своим опытом. В этом смысле любая картина мира (религиозная и антирелигиозная) мифологична, или аутентична мифу, поскольку строится на взаимодействии и взаимообусловленности рационального и иррационального, логического и эмоционально-чувственного. Но существует и другой принцип, основанный на противопоставлении мифа и логоса, где миф понимается как дорефлексивный тип сознания, искажающий подлинную картину мира. Миф как предание и онтология превращается в миф как вымысел и ложную картину мира. Если некоторые философы Древней Греции начали сомневаться в подлинности мифа и его религиозной достоверности, то христианство прямо противопоставило себя мифу в качестве другой онтологии. Однако само переживание бытийной целостности в достоверности личного опыта (в христианстве опыта спасения) в принципе неотлично от подобного переживания в рамках другого предания. Отличен предмет переживания и открывающаяся в нем реальность. Вы можете переживать страсти Христовы, и вы можете переживать по поводу перипетий в судьбе героев в очередной 1001-й мыльной серии или, войдя под «пик-ом» в Интернет-пространство, придумать себе историю и проживать ее в виртуальной реальности. Степень достоверности и интен-

сивности переживаний может быть различной, но принцип погруженности в логику событий через образ — один и тот же.

В таком случае можно ли в современной культуре вообще провести границу между мифом как онтологией целостности и полноты бытия и мифом как вымыслом и суррогатом реальности? В первом случае миф будет претендовать на роль метафизики, во втором — найдет свое выражение в социальном, культурном и политическом мифотворчестве. Закономерен вопрос: а возможна ли метафизическая программа в построении культуры, возвращающая человека в бытие из экзистенциального ужаса «ничто» (Ж. П. Сартр), из «деконструированной» культуры и истории? В противопоставлении реальности бытия и небытия и возникает философский дискурс мифа, специфически актуализированный информационным трендом современной культуры, которая характеризуется всемирностью.

«Всеобщая всемирная история», начавшаяся, по словам А. Дж. Тойнби, в XX веке, в XXI веке опирается на достижения науки и техники, создавая предпосылки возникновения новой конструкции общего Дома — той самой маклюэновской глобальной деревни, где все между собою связано и каждый элемент постройки несет смысловую и функциональную нагрузку. Единое информационное пространство, казалось бы, дает надежду на осуществление гуманистической утопии о единстве народов и культур. Бродильным элементом социально-исторического опыта человечества всегда выступали метафизические смыслы, объясняющие взаимоотношения человека с миром и с самим собой в горизонте трансцендентных представлений. В связи с этим актуализируется вопрос о проявлениях метафизического мышления в современной информационной культуре, о наличии или отсутствии в ней метафизических программ. Следовательно, он касается и проблемы трансформации культурных традиций, содержащих онтологические образы-модели жизни человека и общества. Справедливо поэтому также поставить вопрос о реальности мифа в опыте медийной культуры, поскольку миф в своем сущностном виде является формой выражения метафизической целостности человеческого бытия. Таким образом, нас будет интересовать:

— отличается ли современность в формах самоописания (внутренней и внешней) от других культурно-исторических типов?

— каким образом современная цивилизация актуализирует метафизические коды и культурные архетипы прошлого при трансляции социально-исторического опыта?

— какую функцию в современной культуре выполняет миф и мифологическое сознание как одна из репрезентаций метафизического опыта?

человека и социума?

— продолжает ли оставаться миф универсальной культурной технологией воспроизводства социального в информационной цивилизации?

— меняет ли коммуникативный «строй» информационного общества механизм воспроизводства и трансляции культуры?

— является ли информационная ступень в самоорганизации культуры внеметафизической («нулевой») зоной культурной истории человека, освобожденной и от опыта целостности бытия, и от образа вечности?

Укажем, что тип мирозерцания, выраженный мифом, — отдельный предмет исследования. Наша задача заключается в том, чтобы тематизировать, с одной стороны, миф как опыт целостного переживания человека в составе определяющих современную культуру коммуникативных практик, сделав акцент на его духовно-образовательном потенциале, с другой — выявить метафизические установки культурных традиций, выражаемых религиозным сознанием, и, наконец, охарактеризовать формы современного социального мифотворчества, порождаемые информационным обществом. При этом мы сознательно ограничиваем себя пространственно-временными рамками европейской культуры, относя к христианской цивилизации, а значит, и к большой Европе русскую культуру. Именно в рамках данного типа цивилизационного развития миф проявил себя и как мирозерцание, и как религиозно-символическая система, и как культурное предание, и как социальная утопия.

Отметим, что философская проблематизация мифа в современном контексте развития европейских культур также связана с весьма опасной тенденцией, проявляющейся сегодня. Речь идет не только о редукции исторического сознания, но и об антиисторической манифестации либо в форме сознательного отказа от истории как процесса развития, имеющего внутреннюю цель, либо в форме эмоционально-психологической атрофии исторического чувства, связанного с ощущением исчерпанности большого времени. Во многом настоящие умонастроения порождены установками постмодерна, который не случайно иногда трактуют как отказ от христианской парадигмы культуры и истории. Если история как хронотоп, как запись событий была открыта античной культурой, то в христианской интерпретации она получила эсхатологический вектор и тем самым обрела цель и смысл в рамках метафизики спасения. В сложных коллизиях, результатом которых стал синтез античной и иудео-христианской культуры, миф подвергался различной интерпретации, но это не устранило архетипические черты метафизики мифа ни как формы исторического предания, ни как живого опыта непосредственного восприятия реальности Иного. Как

пишет М. Элиаде, анализируя взаимоотношения между мифологическим мышлением и христианством, данную проблему можно сформулировать следующим образом: «если христиане отказались видеть в своей религии десакрализованный миф эллинистической эпохи, то каково отношение христианства к живому мифу первобытных и традиционных обществ? Мы увидим, что христианство, как его понимали и переживали почти две тысячи лет, не может быть полностью отделено от мифологического мышления»⁴.

В этом смысле историческое мышление, свойственное христианской цивилизации Европы, содержит в себе мифологику истории и культуры как опыта спасения в горизонте трансцендентного. Так, например, в русской культуре она проявила себя и как идея духовно-творческого служения «по истине», и как поиск «положительно-прекрасной» формы социального бытия «по-правде», и как эсхатологический проект духовного и политического мироустройства. Философский взгляд на события русской истории свидетельствует, что «эрос» мифотворчества нередко приводил страну к общенациональной катастрофе. Однако именно метафизическое ядро русской культуры в форме духовно-нравственного и художественно-философского самосознания обеспечило историческую преемственность ее опыта и длительность существования как христианской цивилизации. Разрушение этого ядра, в том числе и в форме отказа от исторического мышления, выраженного мифологией христианского культурного предания, означало бы «закат» восточно-европейской цивилизации в соответствии со шпенглеровской культурной парадигмой. Нужен ли такой исторический результат «новому» глобальному миру, даже с учетом все более отчетливо набирающего силу универсалистского проекта современности, в котором культурные архетипы переписываются, а контуры цивилизаций активно видоизменяются?

Здесь мы входим в область философии современной истории, пытающейся реконструировать и понять новую реальность — найти ей адекватный образ описания. Образ — всегда нечто целое, другими словами, это реальность, схваченная как целое в многообразии своих взаимосвязей. В этом контексте образ сопоставим с картиной мира. Как научный конструкт — она объект действия, как переживаемая субъективно значимая реальность бытия — мифопоэтический образ. На самом деле ситуация выглядит парадоксально. Начало XX века «взорвало» целые пласты истории, «заговорившие» на автономных языках «коллективного бессознательного». На активное наступление современности, не найдя другой формы сборки исторических осколков, европейская культура ответила сотворением мифа. На какое-то

время в пространстве социально-политического и культурного мифа европейское общество попыталось удержать разрозненное, расчлененное тело социальной и ментальной истории своей цивилизации. Целостность этого мифа обеспечивала самосохранение личности и общества, переставшего быть традиционным. В ретроспективе истории XX века такие проекты мифологизации породили, с одной стороны, феномен тоталитарного государства, с другой — мифологическое сознание массового общества. Современные версии социальной и культурной мифологии продолжают прорастать как на Западе, так и на Востоке. Все это позволило уже в середине 1950-х гг. Р. Барту интерпретировать происходящее как процесс всеобщей мифологизации. Понимая миф как коммуникативную систему, содержащую сообщение, т. е. слово, он утверждал, что «мифом может стать все, что покрывается дискурсом»⁵. Вывод одного из самых ярких представителей структурализма однозначен: «Определяющим для мифа является не предмет его сообщения, а способ, которым оно высказывается; у мифа имеются формальные границы, но нет субстанциальных. Значит, мифом может быть все? Да, я считаю так, ибо наш мир бесконечно суггестивен»⁶. Именно суггестивность стала порождающим моментом разнообразных форм мифотворчества массовой культуры, смешивающей профанную и сакральную сферы, создающей культы и потребляющей необходимый идеологический продукт под неусыпным контролем массмедиа.

Справедливо утверждать, что медийная культура все настойчивее выявляет свою приверженность культурной парадигме мифа. В том числе и деконструкция реальности, предпринятая постмодернизмом с целью освобождения от тотальности культуры, ее духовного и социального универсализма, будучи, по определению, бегством от мифа оказалась все той же мифологией с провозглашением сверхценности освобождения. А ведь под деконструируемой культурой понималась именно ее мифологическая целостность (если истолковывать миф по-лосевски, как первичную онтологическую целостность бытия-сознания-переживания), где каждый фрагмент жизни человека аксиологически нагружен. Новая аксиология свободы объявила о наступлении конца христианской истории и утверждении постхристианского мира. Однако самосознание человека, наследующего духовные установки и целе-ценностную мотивацию христианской культуры, не может согласиться с таким видением настоящего и будущего.

В этом контексте мы можем говорить и об исторических перспективах русской культуры как традиции, сохраняющей и транслирующей мифологию христианского предания. В начале XX века, отражая глубинные процессы и тектонические сдвиги европейской цивилизации, русская культура заяви-

ла о себе как о неклассическом типе культуры. Она проявила себя в двух ипостасях: в форме утопического по своей природе сознания и мышления русского авангарда, своего рода артмифе, и в революционной эсхатологии, представшей в качестве превращенной формы религиозного сознания — в политическом и социальном мифе коммунистического общества. Современная постнеклассическая культура конца XX — начала XXI вв., разрушая «органический» тип мифа, создает свой рациональный миф, основанный на установках инструментального, прагматического разума.

Однако теоретические концепты постмодернистского сознания парадоксальным образом очень быстро обнаруживают свою иррациональную природу. «Деконструированный» разум трансцендирует в виртуальность. Слово, превращенное, по Р. Барту, в способ обозначения, взятое не как вещь, понятие или идея, разрывает с бытием — с тем Словом, Которое в христианской культуре обладает онтологической и аксиологической перспективой. Происходит переписывание культурного кода — деконструкция мифа оборачивается деконструкцией онтологии. Новая формула бытия заключается в безбытийности, выносит человека за границу культурного мира, его человеческой определенности и содержательности.

Как избежать культурной легитимации такой «онтологии» и «аксиологии»? Вероятно, она не может быть подвергнута запрету, но вскрыть ее безбытийность и абсурдность, ее вторичность, внеэтичность и антихудожественность, позволяя этой мнимой свободе выразить свою пустоту, представляется возможным. Возвращение к бытийному опыту переживания жизни можно осуществлять и как педагогический процесс, осваивая культурную историю человечества через аксиологические смыслы предания в форме религиозной традиции, исторического нарратива или сказочно-мифологического повествования. Тем самым образованию будет придан его человекотворческий смысл — возвращено его значение как пайдейи в античной трактовке культуры как выращивания, обработки, воспитания и почитания-поклонения.

Еще одной проблемой информационного проекта является тот факт, что виртуальное пространство не может вместить в себя бытие принципиально другого, которое определяется своими собственными мировоззренческими конструкциями. Толерантность Сети есть миф, создаваемый о себе. Унифицирующий релятивизм не менее агрессивен, чем прогрессирующий фундаментализм или архаизирующий традиционализм и ритуализм. В этом смысле современная культура, познающая и понимающая сама себя, должна восстановить в своих правах рационализм, превращенный в постмодернизме в конструктора-игрока, оперирующего готовым знани-

ем, и признать его в качестве логической структуры знания и деятельности. Парадоксально, но современная культура, желающая не утратить опыт целостного переживания бытия и сохранить метафизические цели и ценности в качестве идеалообразующего начала самой культуры, требует высокой рациональности мышления с опорой на методологию и результаты исследований естественных и гуманитарных наук. Здесь требуется своего рода иерархизация и этизация знания, а не уравнивание любой информации в своих правах по принципу пользовательского спроса.

Можно предположить, что в этом смысле XXI век может стать веком не заката, а расцвета метафизики как целостного мировоззрения, которое воспроизводит миф не как форму социальной утопии или виртуальный суррогат реальности, а как целостный образ бытия, сакрализирующий базовые ценности жизни. В этом смысле информационная культура предстает не как технологический проект, нивелирующий идеальную сферу значений и смыслов, а как новый контент. Важной составляющей данного «проекта» онтологизации медиакультуры через возвращение к идее целостности бытия как к некому мифопоэтическому опыту жизни станет целе-ценностная стратегия преодоления:

- разрыва между метафизическими и инструментальными ценностями — идеалами культуры и реальностью жизни, ее духовными, интеллектуальными, социальными практиками;
- апатичного нежелания или отказа соединить нравственный идеал и разумную прагматику жизни;
- различных попыток мифологизации истории вне процедур ее общественной и научной «верификации»;
- очевидного дефицита подлинной научной рациональности;
- слабости философской и богословской рефлексии;
- искажения духовного опыта различными проявлениями обскурантизма (сектантского, еретического, неоязыческого, суеверного, неосциентистского и проч.).
- дефицита высокой интеллектуальной и духовной культуры в качестве идеалообразующего начала самой современности, которое задает и выстраивает ценностную иерархию.

При создании подобного тренда в самом контенте медиакультуры можно надеяться на восстановление метафизической традиции мировой культуры, брошенной в современность в условиях распада своей исторической мифологии и активного «переписывания» онтологической модели на духовно-опытном уровне. Процессы информатизации современного общества заостряют проблему метафизических оснований его культурного

предания и повышают возможность новых проектов мифологизации, которые могут возникнуть под воздействием старых стереотипов мышления и традиционного и постиндустриального массового общества. В то же время «изгнание» метафизики из опыта современного человека оказалось бы не чем иным, как повторением диалектически не снятого противоречия мифа и логоса, религиозного опыта и философской рефлексии, приводившего целые нации в XX веке на грань исторической катастрофы. С учетом могущества технологий и тотальности информационных сетей негативный сценарий развития будет катастрофическим и окончательным.

Отметим поразительную актуальность мифологии, ее укорененность в структуре мышления современного социума. Это еще раз, на наш взгляд, подчеркивает необходимость выявления того типа ментальности, который способствует мифологизации сознания, но уже в условиях универсального технологизма глобальной современности.

¹ Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). — М., 1995. С. 113.

² Лосев А. Ф. Миф — Число — Сущность. — М., 1994. С. 7.

³ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. — М., 2006. С. 93.

⁴ Элиаде Мирча. Аспекты мифа. — М., 2005. С. 156.

⁵ Барт Р. Мифологии. — М., 2008. С. 265.

⁶ Там же.